

МЕХАНИЗМ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА,

доктор социологических наук,
Институт экономики РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: kirdina777@gmail.com

Цитирование: Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2019). Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // *Journal of Institutional Studies*, 11(3), 007-020. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.007-020

В статье рассматриваются причины и перспективы включения в сферу мезоэкономических исследований институтов и механизмов денежного обращения. В первой части статьи с позиций методологического институционализма проанализирован институт денег. Показано, что он представляет собой функционально-временную структуру, а структуры такого рода являются основными объектами исследования в мезоэкономике. Во второй части статьи тестируется гипотеза о том, что выделение структурных разделов экономической теории – макро, а затем мезоэкономики, – связано с введением в экономический анализ все более усложняющихся теоретических представлений о движении денег в экономической системе. Специфика мезоэкономического подхода к анализу денежного обращения состоит в исследовании особенностей трансмиссионных механизмов денежного обращения во все более сложной воспроизводственной экономической структуре, где представлены неоднородные экономические субъекты, банковские и финансовые посредники, а также действуют координационные и интегративные связи различного типа, включающие рыночные и ридистрибутивные инструменты. Показаны перспективы мезоэкономического подхода к анализу механизма денежного обращения в контексте общих тенденций развития социальных наук и усиливающегося «онтологического поворота», при котором формирование механизмов социальных и экономических отношений становится основным объектом анализа. В экономике таким важнейшим механизмом является механизм денежного обращения.

Ключевые слова: мезоуровень экономического анализа; механизм денежного обращения; методологический институционализм; теория X и Y институциональных матриц; мезоэкономика.

---

¹ Автор выражает благодарность А. В. Верникову и В. И. Маевскому за ценные замечания в ходе подготовки данной статьи.

MECHANISM OF MONEY CIRCULATION AS A SUBJECT OF MESOECONOMIC ANALYSIS

SVETLANA G. KIRDINA-CHANDLER,

*Doctor of Sociological Sciences,
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: kirdina777@gmail.com*

Citation: Kirdina-Chandler, S. G. (2019). Mechanism of money circulation as a subject of mesoeconomic analysis. *Journal of Institutional Studies*, 11(3), 007-020. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.007-020

The paper discusses the reasons and prospects for the inclusion of institutions and mechanisms of money circulation in the scope of mesoeconomic research. In the first part of the paper the institution of money is analysed from the perspective of methodological institutionalism. It is shown that the institution of money is a functional-temporal structure, and structures of this type are the main subject of study in mesoeconomics. The second part of the paper tests the hypothesis that the separation of structural sections of economic theory (microeconomics, macroeconomics and then mesoeconomics) is associated with the introduction into economic analysis of increasingly sophisticated theoretical ideas about money circulation in the economic system. The specificity of the mesoeconomic approach to the analysis of money circulation consists in studying the characteristics of transmission mechanisms of money circulation in increasingly complex economic reproduction structures, where heterogeneous economic entities, banking and financial intermediaries are represented, as well as coordination and integrative relations of various types that combine market and redistributive instruments. The prospects of a mesoeconomic approach to the analysis of the mechanism of money circulation in the context of general trends in the development of social sciences and the growing "ontological turn" are shown, in which the formation of mechanisms of social and economic relations becomes the main subject of analysis. In economics, such an important mechanism is the mechanism of money circulation.

Keywords: *mesolevel of economic analysis; mechanism of money circulation; methodological institutionalism; X and Y institutional matrices' theory; mesoeconomics.*

JEL: *B15, B25, P16, P51*

Потребность развития мезоэкономики как раздела экономической теории (наряду с микро- и макроэкономикой) связана с рядом практических и гносеологических факторов, отмеченных ранее в научной литературе. Так, с практической точки зрения обращают внимание на увеличение феноменологической, структурной и институциональной сложности современных экономических процессов, которая не «схватывается» распространенной в неоклассическом мейнстриме дихотомией «микро-макро» (Dopfer, Foster and Potts, 2004; Elsner, Gräbner and Heinrich, 2014). Полагают, что одной из причин этого является недостаточное внимание в неоклассической экономике мейнстрима к изучению *причинно-следственных механизмов*, порождающих те или иные наблюдаемые эффекты (Либман, 2018, с. 46; Кошовец и Ореховский, 2018).

Среди гносеологических факторов важное влияние на развитие теоретической программы мезоэкономических исследований оказывают институционально-эволюционная и синергетическая (самоорганизационная) парадигмы (подробнее об этом см. Кирдина-Чэндлер и Маевский, 2017, с. 10; Дерябина, 2018). В рамках этих парадигм

особое внимание уделяется выявлению законов формирования и эволюции устойчивых экономических структур, обеспечивающих «порядок в экономическом хаосе», которые имеют, как правило, иерархический характер (Маевский, 2018; Кирдина-Чэндлер, 2018, с. 12; Чернавский и Курдюмов, 2010, с. 97).

Одним из направлений развития мезоэкономики является включение в сферу мезоэкономических исследований новых предметных областей. В данной статье мы хотим обратить внимание читателей на такой предмет мезоэкономических исследований, как институты и механизмы денежного обращения². Одновременно наша задача состоит в том, чтобы показать связь выделения структурных разделов экономической теории с введением в экономический анализ все более усложняющихся теоретических представлений о движении денег в экономике.

Идея выделения денежных механизмов как наиболее важного предмета мезоэкономических исследований принадлежит академику РАН В. И. Маевскому. Так, он пишет, что моделирование трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики может стать «одним из разделов мезоэкономической теории иерархически организованной экономики» (Маевский, 2018, с. 26). В своих работах по анализу переключающегося режима воспроизводства он и его коллеги обратили наше внимание на то, что фактические структуры денежных кругооборотов, обеспечивающих воспроизводственные процессы на макро и микроуровнях, обнаруживаются при обращении к мезоуровню экономических систем (Маевский, Малков и Рубинштейн, 2019). Развивая логику К. Маркса, указавшего на особенности денежных кругооборотов между производственным и потребительским секторами экономики (I и II подразделениями, соответственно), Маевский с коллегами построили теоретическую и математическую модели, с помощью которых они анализируют ряд экономических феноменов, которые «не берутся» известными микро- и макроэкономическими моделями (об этом подробнее в статье Маевского, Малкова, Рубинштейна, Красильниковой в этом номере).

Рассмотрение механизмов денежного обращения как объекта мезоэкономического анализа мы начнём с анализа денег как экономического института, а затем покажем взаимосвязь между выделением уровней экономического анализа (макро и мезо) и усложнением используемых в теоретических экономических моделях схем денежного обращения. В заключение обозначим перспективы дальнейших исследований механизмов денежного обращения с точки зрения мезоэкономического подхода.

Деньги как экономический институт

«Из всех экономических проблем вопрос денег, вероятно, больше всего запутан и, возможно, именно здесь мы нуждаемся в наиболее широкой перспективе», писал Мюррей Ротбард еще в 1964 г. (цит. по: Ротбард, 2003, с. 9). Ни в коей мере не претендуя на полноту анализа этого феномена, рассмотрим те особенности денег, которые характеризуют этот феномен как институт. Это связано со спецификой нашего подхода к выделению мезоуровня в социальном и экономическом анализе на основе принципа методологического институционализма (Кирдина, 2015), которого мы последовательно придерживаемся. «Институциональность» мезоуровня означает его трактовку как сферы действия правил совместной деятельности, которым следуют индивидуумы или группы микроуровня, что позволяет обеспечивать функционирование всей системы на макроуровне.

В чем особенность опоры на принцип методологического институционализма? В отличие от приверженцев методологического индивидуализма, основное внимание которых направлено на изучение поведения экономических агентов разного уровня, с позиций методологического институционализма основное внимание уделяется

² Этот предмет редко обсуждается в работах по мезоэкономике, хотя сами по себе финансовые аспекты функционирования мезоэкономических структур (как правило, региональных) постоянно находятся в поле исследовательского интереса (см., например, статьи, опубликованные в рубрике «Мезоэкономика» *Журнала экономической теории* в 2016-2018 гг.).

контексту, в котором действуют (и который сами же создают) эти агенты – системе правил, конвенций, институтов и организаций разного уровня, которые поддерживают целостность экономической системы, в которой протекает деятельность экономических агентов. «Принцип методологического институционализма позволяет “уловить” это новое институциональное качество, характеризующее мезоуровень и не представленное напрямую ни на уровне индивидов (микроуровне), ни на уровне формируемой макросреды» (Кирдина, 2015, с. 57). На мезоуровне происходит объективизация, обезличивание потребностей и устремлений участников экономической деятельности и превращение их в самостоятельные сущности, необходимые для функционирования всей системы.

И если для современных микроэкономистов, следующих принципу методологического индивидуализма, стоит задача определить, «какие правила, регулирующие взаимодействия людей, одновременно помогут облегчить им процесс достижения их личных целей и заставят каждого отдавать себе отчет в том, как их действия влияют на других людей» (Боулз, 2001, с. 23), а также исследовать, «при помощи каких форм контрактов, прав собственности или других общественных правил возможно достижение некоей желаемой агрегированной общественной цели, если конкретно эта цель не стоит ни перед одним из участников социального взаимодействия» (Боулз, 2001, с. 24), то с позиций методологического институционализма основным фокусом анализа является исследование того, в какой мере и какой именно институциональный дизайн экономических отношений позволяет всей экономике развиваться и обеспечивать необходимые для ее расширенного воспроизводства пропорции при тех условиях (пространственных, временных, технологических, глобально-политических и др.), в которых эта экономическая система находится. Институциональная среда, таким образом, рассматривается не столько с точки зрения обеспечения гармонизации интересов участников экономической деятельности (что важно, хотя практически недостижимо), но, в отличие от такого микроэкономического подхода, прежде всего как инструмент, действующая структура воспроизводства экономической системы. Институт денег и механизмы денежного обращения при мезоэкономическом подходе предполагается рассматривать именно с этой точки зрения.

Как и любой институт, институт денег сформировался с целью уменьшить неопределенность совместной (в данном случае экономической) деятельности и создавать определенные ожидания у её участников: «если бы в реальном мире не было неопределенности, то денежная система вообще не могла бы существовать!» (Ротбард, 2011, с. 36). Основные виды неопределенности, которые характеризуют процесс экономического воспроизводства – это соизмерение продуктов разного качества, но, что более важно в рассматриваемом нами контексте – соизмерение затрат и результатов экономической деятельности в разные периоды времени и создание условий для непрерывного её возобновления. «Активная роль денег в воспроизводственном процессе является следствием их институциональной природы» (Суриков, 2015, с. 35). С этой точки зрения институт денег и свойственные ему механизмы денежного обращения – это функционально-временные структуры³. Рассмотрим этот тезис подробнее.

Институт денег – как и другие институты, является *функциональной структурой* «по определению», поскольку он формируется для выполнения определенных функций в социальной системе. С помощью функциональных структур-институтов происходит упорядочивание системы за счет максимального сокращения избыточной информации – снижаются транзакционные издержки для получения информации, организации экономических взаимодействий, планирования ожидаемых результатов деятельности. При этом, если, например, с позиций представителей австрийской школы, строго придерживающихся принципа методологического индивидуализма, функция денег

³ Об основных структурах самоорганизующихся систем см. (Хакен, 2014; Дерябина, 2018). Мы разделяем представление об экономических системах как о самоорганизующихся системах.

«состоит в том, чтобы содействовать координации и достижению множества не связанных друг с другом и не сформулированных целей, одновременно преследуемых отдельными участниками процесса денежного обмена... Процесс денежного обмена содействует успеху этого множества индивидуальных и децентрализованных, но в то же время взаимно обусловленных усилий, заключая в текущих (и ожидаемых) ценах гигантское количество информации, необходимое каждому отдельному рыночному игроку для реализации своих намерений путем адаптации своих планов и поступков к планам и поступкам всех остальных рыночных игроков» (*Салерно, 2011, с. 434*), то мы обращаем внимание на то, как посредством института денег происходит соизмерение важнейших пропорций в экономических процессах и трансляция (циркулирование) необходимой для этого информации в структурах экономической системы. «Деньги являются сгустками общественно признаваемой информации, обладающей самостоятельной ценностью, информации о том количестве стоимости, которое признают хозяйствующие субъекты в сделках, связанных с товарами и услугами...» (*Суриков, 2015, с. 35*), независимо от того, в какого рода экономической системе эти процессы протекают (в рыночной или редистрибутивной).

Институт денег обеспечивает соотнесение информации такого рода не только для разных структур, но и для разных периодов времени, что позволяет определить его не только как функциональную, но и *временную структуру*. Как отмечают специалисты, временные структуры «сложно наблюдать, сложно идентифицировать, их труднее вычленивать из общего структурного поля системы как содержательно, так и технически. Поэтому временные структуры – один из наиболее дискуссионных элементов мезоскопического анализа систем» (*Дерябина, 2018, с. 35*). В то же время для большинства экономистов темпоральная природа денег интуитивно понятна. Даже те из них, кто полагает, что деньги – это всего-навсего товар особого рода (см., например, *Ротбард, 2003, с. 15; Салерно, 2012*), признают, что именно на основе денег возможно сопоставление прошлого, нынешнего и будущего труда, институт денег позволяет создать основу «учета для настоящих и ожидаемых будущих цен» (*Ротбард, 2011, с. 18*).

Другими словами, очевидна роль института денег с присущими ему денежными, в том числе кредитными, механизмами⁴, в обеспечении непрерывности процесса производства и реализации товаров и услуг. Выступая в роли инструмента организации кругооборота капитала и средства организации кредитования, институт денег позволяет экономической системе непрерывно и сбалансированно функционировать, обеспечивая тем самым экономический рост. «Деньги, поскольку они опосредствуют процесс воспроизводства, неизбежно совершают постоянно повторяющийся кругооборот. Однако без существования кредита такой кругооборот не мог бы совершаться, поскольку кредит соединяет отдельные фазы воспроизводственного процесса в пространстве и во времени, причем, не только соединяет, а ускоряет воспроизводственный процесс» (*Гаврильченко, 2014, с. 5; Деньги, кредит, банки 2003*). Повторим, что институт денег, объединяя в себе эти механизмы, обеспечивает непрерывное возобновление (воспроизводство) экономической деятельности.

Современные экономисты все больше признают активное воздействие денег на протекание воспроизводственных процессов (*Деньги, кредит, банки, 2003, с. 15–17; Гаврильченко, 2014, с. 50*), хотя имеются значительные разногласия о степени зависимости, существующей между количеством денег в обращении и уровнем экономической активности. Не оспаривая значение поиска количественных пропорций денежного обращения, необходимых для экономического роста, отметим одновременно и важность изучения институциональной природы денег и денежных механизмов. Например, сопоставляя уровни монетизации национальных экономик, мы видим, что

⁴ Кредитную природу современных денег признают как авторы наиболее известных разработок в области теории денег, например в концепции финансовой нестабильности Х. Мински (Н. Р. Minsky) или современной денежной теории (modern money theory) Л. Р. Рэя (L. R. Wray), так и представители марксистской теории (*Колганов, 2019, с. 68*).

(при несколько отличающихся методиках расчета денежной массы) она может составлять от 14.5 или 25.9% (как в Чаде или Центрально-Африканской республике) до 199,1 или 252,1 (как в Китае – без Гонконга и Тайваня, или Японии)⁵. При этом однозначной связи между количеством денег в обращении и показателями экономического роста не обнаруживается. Поэтому можно предположить, что не только количество денег, но и действующие в разных странах денежные механизмы, обеспечивающие циркуляцию денег в экономической системе, имеют значение.

Как и любой институт, институт денег может быть «захвачен» и использоваться в интересах определенных социальных групп – банковских и/или финансовых элит, правительственных кругов или даже государств (в этом контексте часто отмечают роль США как держателя основной мировой валюты). В этом случае денежная система выполняет перераспределительные функции и работает в пользу «денежных властей», перенаправляя доходы внутри общества или даже между странами (*Хьюльсман, 2002, с. 123*). Однако это предмет уже скорее политологии или микроэкономического анализа. В мезоэкономическом анализе мы сосредотачиваемся на объективной природе механизмов денежного обращения, позволяющим им выполнять свои основные задачи по обеспечению воспроизводства экономической системы.

Денежное обращение в микро, макро и мезоэкономической теории

Понимая значение института денег для функционирования экономической системы, рассмотрим с этой точки зрения генезис выделения уровней анализа в экономической теории от микро – к макро и далее к мезо. Ранее мы не обращали внимания на этот аспект. Другими словами, попробуем обосновать гипотезу о том, что обособление названных структурных разделов экономической теории может быть связано в том числе и с последовательным углублением теоретических представлений о механизмах денежного обращения⁶.

Итак, вернемся в 1930-е гг., когда обозначилось выделение макроэкономики (и ее обособление от микроэкономики) как специфической области исследований. Напомним, как это происходило. Модель экономики, господствовавшая в экономической теории до Великой депрессии 1929 – конца 1930-х гг., была обозначена ещё в трудах английских классиков политэкономии и затем была принята на вооружение основоположниками неоклассического направления. Согласно этой модели, экономика понималась как совокупность предприятий (фирм), находящихся в частной собственности, взаимодействующих на основе горизонтальных рыночных связей. Отдельный сектор составляли домохозяйства, также включенные в систему рыночных отношений. Регулирование такой экономической системы осуществляется на основе закона спроса-предложения, уравнивающего выгоды участников хозяйственной деятельности. Экономический рост обеспечивается в силу распределения получаемых фирмами и домохозяйствами доходов на потребление и сбережения, которые в дальнейшем направляются на инвестиции для расширения производства. Разрабатываемые в микроэкономике равновесные модели имитируют именно такого рода процессы⁷.

«Плоский» (и, добавим, «безденежный») характер данной модели был, однако, атакован выявленным «парадоксом бережливости» (the paradox of thrift, или paradox of saving). Введенный в трудах сотрудничающих американских экономистов Уильяма

⁵ Broad money (% of GDP), по данным Мирового банка за 2018 г. (<https://data.worldbank.org/indicator/FM.LBL.BMNY.GD.ZS?view=chart>).

⁶ Мы не ставим целью обзор всего множества теорий денег, денежного обращения, финансов, денежно-кредитной политики и пр., представленных в экономической науке от её становления до наших дней, строго ограничиваясь поставленной задачей.

⁷ Как справедливо заметил В. И. Маевский, деньги в таких равновесных моделях вообще не имеют значения. Он ссылается на Джеффри Ингхэма, который пишет, что «деньги даже не появляются в аналитическом пространстве некоторых из наиболее престижных, математически изощренных моделей экономики, таких как модель общего равновесия Эрроу–Дебре» (*Ingham, 2004, p. 8*). Ссылаясь на обзор в (*Куриц и Сальвадори, 2004*), В. И. Маевский указал также и на многопродуктовые модели (В. В. Леонтьева, Дж. фон Неймана, П. Сраффы и других), где имитируются кругообороты товаров, но не денег.

Фостера и Уоддилла Кэтчингса (*Gleason, 1959*)⁸, этот парадокс иногда приписывают Джону Мейнарду Кейнсу (*Гордеева, 2015*), поскольку он популяризировал его и положил в основание своих известных макроэкономических построений (*Keynes, 1936*). До сих пор «парадокс бережливости» является центральным компонентом кейнсианской экономики, обосновывающим необходимость государственных расходов для стабилизации рыночных экономик. Действительно, если справедливое на уровне отдельного экономического субъекта стремление к сбережениям может быть для него полезным, но вредить, как показал Кейнс, всей экономике в целом – а она, тем не менее, должна развиваться, – значит, речь должна идти о качественно ином уровне экономического анализа, при котором экономика не сводится к сумме рыночных экономических субъектов. Показав таким образом ограничения микроэкономических оснований, Кейнс, как и ряд его современников, перешел к анализу макроэкономики⁹.

В чем принципиальное отличие макроэкономики как нового уровня экономического анализа? На наш взгляд, самое существенное отличие в том, что здесь подразумевается принципиально иная структура денежного механизма, в котором фигурируют государственные финансы. Другими словами, выделение нового уровня было связано с более адекватным представлением в теоретической модели экономики процессов денежного обращения. Кейнс дополнил его (денежное обращение) передаточным, или трансмиссионным механизмом¹⁰ (*the transmission mechanism of monetary policy*), обеспечивающим влияние изменения пропорций денег на деловую активность и экономическое равновесие. Хотя предложенный Кейнсом трансмиссионный механизм был предельно упрощенным и включал только один канал влияния – через процентную ставку¹¹, тем не менее, он позволил проводить более углубленный анализ реального экономического поведения участников рынка. Было показано, что данный механизм воздействует не только на инвестиционные решения фирм, но и на решения потребителей (домохозяйств) относительно потребительских расходов и сбережений. В дальнейшем трансмиссионный механизм становится объектом исследования таких выдающихся экономистов, как М. Фридман, Ф. Модильяни, У. Баумоль, Дж. Тобин и др.

Итак, экономика при такой модели механизма денежного обращения предстает, как минимум, системой с двумя уровнями – микро и макро, которые взаимодействуют между собой. Простейшая модель этого взаимодействия предполагает три фазы развития, описанные в работе *Моисеева (2002, с. 40)*. Первая фаза начинается с того, что на макроуровне центральные банки с помощью своих инструментов корректируют рыночные процентные ставки, валютный курс и др. каналы влияния. В соответствии с этими изменениями происходит коррекция цен на финансовые активы, что влияет на расходы субъектов микроуровня – домохозяйств и фирм. Произошедшие в этой связи изменения в реальном секторе приводят к изменениям в структуре баланса заемщиков – таким образом сигналы с микроуровня возвращаются в финансовую систему. Во второй фазе происходит коррекция рыночных процентных ставок, что влияет на совокупный спрос. После этого на третьей фазе происходит макроэкономическая адаптация: это выражается в изменении макроэкономических показателей (экономического роста и безработицы), что индуцирует пересчет цен и заработной платы. В результате экономическая система переходит к новому экономическому равновесию.

⁸ Особенно пытливые историки экономической мысли находят первоисточник этого парадокса в Библии, а именно, в Книге Притчей Соломоновых: «Иной сыплет щедро, и ему еще прибавляется; а другой сверх меры бережлив, и однако же беднеет» (*Притч 11:24*).

⁹ Одним из них был норвежский экономист Рагнар Фриш, первый (с Я. Тинбергеном) лауреат премии по экономике памяти Альфреда Нобеля, который и предложил разделение экономической дисциплины на микро- и макроэкономику в работе 1933 г. «*Propagation Problems and Impulse Problems in Dynamic Economics*»

¹⁰ Неслучайно Кейнс, как известно, был первым системным критиком концепции нейтральности денег, которая не принимает во внимание наличие такого трансмиссионного денежного механизма.

¹¹ В современном понимании трансмиссионный механизм включает в разных странах до 10 каналов, по которым проходят импульсы, генерируемые денежно-кредитной политикой; среди них канал процентной ставки, валютного курса, финансовых активов, кредитования, монетаристический канал и др. (*Моисеев, 2002, с. 39*).

Очевидно, что в 1930-е гг. не только теоретические вызовы, но и практическая потребность привели к модификации модели экономики, используемой экономистами того периода. Преодоление последствий Великой депрессии оказалось возможным прежде всего за счет активной государственной политики, для которой новая теоретическая модель (предусматривающая взаимодействие макро- и микроуровней) оказалась весьма актуальной. Как позже отмечал Баумоль, созданный после Второй мировой войны Совет экономических консультантов при президенте США, который действовал на основе этих представлений, предлагал рекомендации, которые обеспечивали «макроэкономическое регулирование, дававшее замечательно точные и прогнозируемые результаты» (Баумоль, 2001, с. 101).

Однако дальнейшее усложнение экономической структуры, выход на арену новых игроков, развитие финансовых механизмов потребовали уточнения теоретической модели. Микро-макроструктурное представление экономики, будучи достаточно эффективным для своего времени, в новых условиях оказалось недостаточно эвристичным, а оперирование лишь пропорциями денег, поступающими в экономику, без анализа того, как происходят денежные кругообороты внутри экономики – недостаточным. «В рамках монетаристского анализа исследователи не ставят себе задачу показать, посредством чего денежное предложение влияет на экономику. Эффекты денежно-кредитной политики изучаются путем проверки тесноты связей изменения предложения денег и валового выпуска (или совокупных расходов). Опираясь на сокращенный способ доказательства, монетаризм рассматривает экономику как «черный ящик», внутри которого проходят неизвестные процессы. Таким образом, трансмиссионный механизм как таковой отсутствует» (Моисеев, 2002, с. 45), хотя и подразумевается, поскольку предполагает, что эмитируемые государством деньги в экономику-таки попадают.

Справедливости ради отметим, что более прицельно (по сравнению с экономической теорией) анализом современных трансмиссионных механизмов занимаются в денежно-кредитной теории. Но и здесь основанные на макро- и микроэкономических основаниях представления о трансмиссионных механизмах (среди них *money view*, *lending view* & *supply view*) позволяют исследовать изменения в реальном секторе лишь в краткосрочном периоде времени в стационарных условиях (Моисеев, 2002, с. 41–42) и в ситуациях, к которым применимы постулаты неоклассики. Но для современных экономик со сложной структурой, сильно «отклоняющихся» от неоклассической модели, необходим более глубокий анализ трансмиссионных механизмов денежного обращения, что и привлекает к этому предмету современных мезоэкономистов (Маевский, 2018, с. 26).

Итак, продолжим наше движение по оси времени. Первые определения мезоэкономики как нового объекта исследования появились в западной литературе в 1970-х гг. и были связаны с резким усилением роли новых рыночных сил. К уже известным в микро- и макроэкономике субъектам, таким как фирмы, домохозяйства и государство, добавились новые мощные институциональные структуры, прежде всего гигантские национальные и транснациональные корпорации (ТНК). Под мезоэкономикой тогда стали понимать область экономических исследований деятельности крупных корпораций, роль которых – особенно ТНК – постоянно усиливалась (на сегодняшний день бюджеты крупнейших корпораций уже превосходят бюджеты многих национальных государств¹²). Российские теоретики мезоэкономики также отмечают, что «крупные (мезоэкономические) хозяйственные структуры играют существенную роль в экономических процессах» (Дементьев, 2002, с. 72), они вступают в сложные, часто интегративные отношения с банками и финансовыми структурами – всё это требует

¹² Например, в 2018 г. выручка каждой из лидирующих в списке 16 крупнейших компаний мира (по версии Fortune Global 500) - от Walmart с ее показателями в 514,4 млрд долларов до Glencore с 219,8 млрд долларов (<https://fortune.com/global500/2019/search/>) превосходила средний уровень доходов государственного бюджета страны Евросоюза, который в этом же году составил 178,5 млрд евро, или 198,3 млрд долларов (рассчитано автором по данным Eurostat (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Government_finance_statistics#Government_revenue_and_expenditure)).

их специального анализа¹³. Очевидная неоднородность экономических агентов, представленных мелкими предприятиями и крупными корпорациями, обозначила недостаточность микроэкономических представлений о хозяйствующих субъектах и их связях.

Но макроэкономический подход также слабо применим для анализа таких сложных структур. Как отмечал в свое время Уильям Баумоль, макроэкономические модели внеисторичны и «не содержат ничего такого, что отличало бы рыночные экономические системы от экономик советского типа или от экономики Древнего Рима и средневекового Китая» (*Баумоль, 2001, с. 84*). Однако, как отмечает В. Е. Дементьев, «именно по мезоэкономическим характеристикам обычно происходит разграничение моделей рыночных экономик... Своеобразие экономик раскрывается прежде всего через формирующие их структуры, механизмы укрупнения бизнеса и консолидации ресурсов экономических субъектов – либо через рынок корпоративного контроля (слияния и поглощения), либо через более тесные связи банков с промышленными компаниями и углублением сотрудничества между ними» (*Дементьев, 2002, с. 72*). Другими словами, действуют как рыночные, так и нерыночные формы координации¹⁴, оказываются возможными неравновесные обмены, что определяет специфику действующих здесь более сложных денежных механизмов, занимающих промежуточное положение между микро- и макроуровнями экономики. На мезоуровне экономики формируется неразрывное единство производительных (сервисных) и банковских (финансовых) структур, что делает мезоуровень основным полем, где сегодня «вершится экономическая жизнь»¹⁵.

При этом специфика мезоуровневых структур означает, что они, являясь по сути «встроенным элементом» в экономические системы более высокого уровня, несут на себе их особенности¹⁶. Мы показали это ранее в своих работах, когда анализировали, например, различные направления эволюции банков в X- и Y-экономиках (*Верников и Кирдина, 2010; Kirdina and Vernikov, 2013*), сравнивали институциональные модели финансирования реального сектора в России, Китае и США (*Кирдина, 2013*), а также организацию воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках (*Кирдина, 2016*).

Таким образом, обособление мезоуровня экономического анализа (как ранее обособление макроуровня) связано с необходимостью включения в теоретические модели экономистов более адекватных современным реалиям механизмов денежного обращения. Другими словами, мы действительно можем наблюдать связь между структурным развитием экономической теории с выделением, вслед за микроэкономикой, макро- и мезо-экономики, с одной стороны, и одновременным усложнением теоретических представлений о структуре механизмов денежного обращения – с другой стороны.

В заключение отметим следующее: как объект мезоэкономической теории, денежное обращение удовлетворяет двум основным критериям, выдвинутым наиболее известным теоретиком «мезо» Куртом Допфером. Он отмечал, что элементарная единица исследования в мезоэкономической теории носит бимодальный характер. С одной стороны, она представляет собой идею, родовое правило, а с другой стороны – одну из её многих физических актуализаций. Правило в качестве идеи – это аналитическая единица, которая позволяет нам обращаться с экономической структурой, а физические актуализации – это аналитическая единица, позволяющая изучать экономический

¹³ «Мезоэкономический анализ, нередко смыкаясь с институциональным, ведет к ревизии ряда устоявшихся представлений о рыночной экономике, ... закладывает основы экономической теории постиндустриального общества» (*Дементьев, 2002, с. 75*).

¹⁴ Неслучайно мезоэкономисты трактуют «мезо» как пространство эволюции институтов кооперации, а не только конкуренции (*Elsner, 2010*).

¹⁵ С точки зрения механизмов денежного обращения следует также подчеркнуть, что в этой сложной структуре деньги являются не только (и не столько) результатом эмиссии центральных банков и государственной политики, но и формируются эндогенно за счет банков и кредитных операций на финансовых рынках.

¹⁶ В теории институциональных X-Y-матриц продемонстрированы и объяснены качественные различия институциональных комплексов редистрибутивных X- экономик и рыночных Y-экономик, доминирующих в различных странах (*Кирдина, 2014*).

процесс. В комбинации мы получаем интегрированную элементарную единицу, которая может служить инструментом для описания и структуры, и процесса экономики (Донфер, 2008, с. 115). С этой точки зрения механизмы денежного обращения, имеющие институциональную природу, являются естественным объектом изучения в мезоэкономической теории, поскольку в полной мере реализуют эту логику. Они и достаточно «физичны», и в то же время институциональны, отражая важные структурные характеристики экономики. Именно поэтому мы полагаем изучение механизмов денежного обращения весьма плодотворным и многообещающим с точки зрения мезоэкономической перспективы.

Заключение

Разработка «мезоэкономической размерности» связана с рядом практических вызовов, а также следует внутренней логике развития экономической дисциплины. Одновременно она отражает усиливающийся в социальных науках в целом «онтологический поворот», при котором не столько сама по себе социальная реальность, сколько «принципы соединения» (Латур 2014, с. 27) её элементов становятся объектом анализа. Следуя по этому пути, полагают специалисты, общественным наукам – а экономика одна из них, – удастся избежать известных и неразрешимых противоречий микро и макро (Бурбулис, 2015, с. 62). Внедряемый в связи с этим термин «сборка» (assembling) представляет собой процесс формирования механизма социальных и экономических отношений, призванных способствовать стабилизации неопределённости. В экономике одним из важнейших институтов, обеспечивающих такую «сборку», является механизм денежного обращения.

Усложнение экономической структуры выражается в росте разнообразия экономических отношений, которые не могут быть отнесены ни к микро-, ни к макроуровню. Речь идет о крупных корпорациях, о складывающихся альянсах, о развитии кластеров, о финансово-промышленных группах, платформенных рынках, инновационных системах и др. структурах, в которых сосуществуют иерархические и горизонтальные формы взаимодействия и развиваются сложные денежные механизмы обеспечения их деятельности. «В целом, эволюционная и институциональная теории, моделирование, кластеры, сетевые структуры и всевозможные групповые объединения могут потребовать своего собственного теоретического пространства – мезо» (Chen, 2008, p. 121), что и происходит в последние годы в экономической теории.

Мы также показали, что усложнение представлений о структуре экономики – от микро – к макро и затем к мезо – оказывается связанным с включением в теоретические экономические модели более развитых схем денежного обращения¹⁷. Как говорится в известной американской фразе – follow the money, если хочешь разобраться в запутанных делах. Исследование механизмов денежного обращения в мезоэкономических исследованиях может стать весьма перспективным направлением для углубления наших представлений о структуре современной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баумоль У. (2001). Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // *Вопросы экономики*, № 2, с. 73–107.

Боулз С. (2011). Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М.: Дело. 576 с.

Бурбулис Ю. В. (2015). «Онтологический поворот» в современной социальной теории: теоретико-методологические предпосылки // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки*, № 4 (146), с. 53–65.

Верников А. В. и Кирдина С. Г. (2010). Эволюция банков в X- и Y-экономиках. Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост Материалы VIII международного симпозиума по эволюционной экономике, г. Пущино,

¹⁷ Мы не рассматривали генезис представлений о структуре экономики в марксистской традиции (подробнее об этом см. Cheng, 2018).

Московская область, Россия, 17–19 сентября 2009 года. / Под редакцией В. И. Маевского и С. Г. Кирдиной. М.: Институт экономики РАН, с. 246–280.

Гаврильченко Г. С. (2014). Воспроизводственная природа современных денег // *Вестник КрасГАУ*, № 2 (89), с. 3–8.

Гордеева А. А. (2015). «Парадокс бережливости» и его судьба в истории экономической мысли // *Теоретическая экономика*, № 2, с. 59–64.

Дементьев В. Е. (2002). Теория национальной экономики и мезоэкономическая теория // *Российский экономический журнал*, № 4, с. 71–82.

Деньги, кредит, банки. (2003). Под ред. О.И. Лаврушина. 2-е изд. М.: Финансы и статистика. 461 с.

Дерябина М. А. (2018). Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 10, № 3, с. 30–39.

Донфер К. (2008). Истоки мезоэкономики. В: Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономический рост. Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007, г. Пущино, Московская область / Отв. ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. М.: Институт экономики РАН, с. 101–127.

Кирдина С. Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб. и допол. М. – СПб.: Нестор-История. 468 с.

Кирдина С. Г. (2015). Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // *СОЦИС*, № 12, с. 51–59.

Кирдина С. Г. (2013). Институциональные модели финансирования реального сектора // *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 2 (18), с. 129–157.

Кирдина С. Г. (2016). Институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 8, № 4, с. 72–91.

Кирдина-Чэндлер С. Г. и Маевский В. И. (2017). Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 9, № 3, с. 7–23.

Кирдина-Чэндлер С. Г. (2018). Мезоэкономика и экономика сложности: актуальный выход за пределы ортодоксии // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 10, № 3, с. 6–17.

Колганов А. И. (2019). Эволюция денег как момент эволюции финансового капитала // *Вопросы экономики*, № 8, с. 67–84.

Кошовец О. Б. и Ореховский П. А. (2018). «Экономика» против «экономической системы»: структуралистский анализ. Доклад. М.: Институт экономики РАН. 48 с.

Куриц Х. Д. и Сальвадори Н. (2004). Теория производства: долгосрочный анализ: учебное пособие. М.: Финансы и статистика. 632 с.

Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 384 с.

Либман М. Ю. (2018). Эмпирические исследования в экономике: «революция достоверности»? Часть II. В: Куда движется современная наука? Научные доклады. М.: Институт экономики. С. 34–52.

Маевский В. И. (2018). Мезоуровень и иерархическая структура экономики // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 10, № 3, с. 18–29.

Маевский В. И., Малков С. Ю. и Рубинштейн А. А. (2019). Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства // *Вопросы экономики*, № 8, с. 45–66.

Моисеев С. Р. (2002). Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики // *Финансы и кредит*, № 18, с. 38–51.

Ротбард М. (2003). Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Пер. с англ. и франц. под ред. Г. Сапова. Челябинск: Социум. 166 с.

Салерно Дж. (2011). Золотые стандарты: истинные и ложные. В: Золотой стандарт: теория, история, политика. Социум. Эл. книга (<https://econ.wikireading.ru/4937>), с. 429–459.

Салерно Дж. (2012). Теория денег Людвига фон Мизеса в контексте современной теории денег. В: Людвиг фон Мизес. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, с. 701–746.

Суриков К. Ю. (2015). Экономическая роль института денег в современном мире // *Вопросы экономики и права*, № 7, с. 34–37.

Хакен Г. (2014). Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 320 с.

Хьюльсман Г. (2003). Евро: новая песня на старый лад. Об эволюции денежной системы после выхода книги М. Ротбарда. В: Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Пер. с англ. и франц. под ред. Г. Сапова. Челябинск: Социум, с. 119–163.

Чернавский Д. и Курдюмов В. (2010). Что такое Институт сложности в Санта-Фе и нужен ли в России его аналог // *Экономические стратегии*, № 1, с. 96–99.

Шаститко А. Е. (2019). Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // *Вопросы экономики*, № 5, с. 5–25.

Chen, P. (2008). Equilibrium illusion, economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis // *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 5(1), 81–127.

Cheng, E. (2018) Principles and perspectives for a diversified renewal in the system of modern political economy // *Terra economicus*, Т. 16, № 4, с. 41–49. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-41-49

Dopfer, K., Foster J. and Potts J. (2004). Micro–meso–macro // *Journal of Evolutionary Economics*, 14(3), 263–279.

Elsner, W. (2010). The process and a simple logic of ‘meso’. Emergence and the coevolution of institutions and group size // *Journal of Evolutionary Economics*, 20(3) (June), 445–477.

Elsner, W., Gräbner, C., Heinrich, T. and Schwardt, H. (2014) The Size Dimension of Complex Economies - Towards a Meso-Economics. In: The Microeconomics of Complex Economies. Evolutionary, Institutional, Neoclassical, and Complexity Perspectives. Oxford, UK: Academic Press, pp. 419–447.

Gleason, A. H. (1959). Foster and Catchings: a Reappraisal // *Journal of Political Economy*, 67(2) (April), 156–172.

Ingham, G. (2004). The Nature of Money. Cambridge, UK: Polity Press. 254 p.

Keynes, J. M. (1936). The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Palgrave Macmillan. 427 p.

Kirdina, S. and Vernikov, A. (2013). Evolution of the Banking System in the Russian Context: An Institutional View // *Journal of Economic Issues*, 47(2), 475–484.

REFERENCES

Baumol, U. (2001). What Alfred Marshall Did Not Know: The Contribution of The XX Century to The Economic Theory. *Voprosy Ekonomiki*, 2, 73–107. (In Russian).

Bowles, S. (2011). Microeconomics. Behavior, institutions, and evolution. Moscow: Delo. 576 p. (In Russian).

Burbulis, J. V. (2015). “Ontological Turn” in Contemporary Social Theory: Theoretical and Methodological Premises. *Izvestiya Uralyskogo federalnogo universiteta*, ser. 3, Obshchestvennye nauki, 4 (146), 53–65. (In Russian).

Chen, P. (2008). Equilibrium illusion, economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 5(1), 81–127.

Cheng, E. (2018) Principles and perspectives for a diversified renewal in the system of modern political economy. *Terra economicus*, 16(4), 41–49. DOI 10.23683/2073-6606-2018-16-4-41-49

Chernavsky, D. and Kurdyumov, V. (2010). What is the Institute of Complexity in Santa Fe and do we need its analogue in Russia. *Economic strategies*, 1, 96–99. (In Russian).

Dementiev, V. E. (2002). Theory of the national economy and mesoeconomic theory. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 4, 71–82. (In Russian).

Deryabina, M. (2018). Methodological bases of the mesoeconomics as a complex system. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 30–39. (In Russian).

Dopfer, K. (2008). Origins of mesoeconomics. In: Evolutionary theory, the theory of self-reproduction and economic development. Materials of the 7th International Symposium on the Evolutionary Economics, September 14–15, 2007, Pushchino, Moscow Region. Moscow: Institut ekonomiki RAS, pp. 101–127. (In Russian).

Dopfer, K., Foster, J. and Potts, J. (2004). Micro–meso–macro. *Journal of Evolutionary Economics*, 14(3), 263–279.

Elsner, W. (2010). The process and a simple logic of ‘meso’. Emergence and the coevolution of institutions and group size. *Journal of Evolutionary Economics*, 20(3) (June), 445–477.

Elsner, W., Gräbner, C., Heinrich, T. and Schwardt, H. (2014). The Size Dimension of Complex Economies – Towards a Meso-Economics. In: The Microeconomics of Complex Economies. Evolutionary, Institutional, Neoclassical, and Complexity Perspectives. Oxford, UK: Academic Press, pp. 419–447.

Gavrilychenko, G. S. (2014). The reproductive nature of the modern money. *Vestnik KrasAGU*, 2 (89), 3–8. (In Russian).

Gleason, A. H. (1959). Foster and Catchings: a Reappraisal. *Journal of Political Economy*, 67(2) (April), 156–172.

Gordeeva, A. A. (2015). The paradox of thrift and its fate in the history of economic thought. *Teoreticheskaya ekonomika*, 2, 59–64. (In Russian).

Haken, H. (2014). Information and Self-Organization. Moscow: URSS: LENAND. 320 p. (In Russian).

Hulsman, G. (2003). Euro: a new song in the old way. On the evolution of the monetary system after the release of the book of M. Rothbard. In: Rothbard, M.N. What has government done to our money. Transl. from Engl. and French. Chelyzbinsk: Sotsium, pp. 119–163. (In Russian).

Ingham, G. (2004). The Nature of Money. Cambridge, UK: Polity Press. 254 p.

Keynes, J. M. (1936). The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Palgrave Macmillan. 427 p.

Kirdina, S. G. (2015). Methodological institutionalism and meso-level social analysis, *SOTSIS*, 12, 51–59. (In Russian).

Kirdina, S. and Vernikov, A. (2013). Evolution of the Banking System in the Russian Context: An Institutional View. *Journal of Economic Issues*, 47(2), 475–484.

Kirdina, S. G. (2013). Institutional Models of Real Sector Financing, *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotciatsii*, 2(18), 129–157. (In Russian).

Kirdina, S. G. (2016). Institutional organization of economic reproduction in X- and Y-economies, *Journal of Institutional Studies*, 8(4), 72–91. (In Russian).

Kirdina, S. G. (2014). The institutional Matrices and The Development of Russia. Introduction to X-Y-theory. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-History. 468 p. (In Russian).

Kirdina-Chandler, S. G. and Maevsky, V. I. (2017). Methodological issues of meso-level analysis in Economics. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 7–23. (In Russian).

Kirdina-Chandler, S. G. (2018). Mesoeconomics and complexity economics: going beyond the limits of economic orthodoxy. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 6–17. (In Russian).

Kolganov, A. I. (2019). The evolution of money as a point of the evolution of financial capital. *Voprosy Ekonomiki*, 8, 67–84. (In Russian.)

Koshovets, O. and Orekhovsky, P. (2018). Discursive practices of “economy” and “economic system” and structuralism. Working paper. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. 48 p. (In Russian).

Kurz, H. D. and Salvadori, N. (2004). Theory of production: a long-period analysis. Moscow: Finansy i statistika. 632 p. (In Russian).

Latur, B. (2014). Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. Moscow: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki. 384 p. (In Russian).

Libman, A. M. (2018). Empirical research in Economics: “the credibility revolution”? Part 2. In: Where is modern economic science moving? Working paper. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, pp. 34–52. (In Russian).

*Maevsky, V. I. (2018). Mesolevel and hierarchical structure of the economy. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 18–29. (In Russian).*

*Mayevsky, V. I., Malkov, S. Y. and Rubinstein, A. A. (2019). Analysis of the relationship between issuing money, inflation and economic growth with the help of the SMR-model. *Voprosy Ekonomiki*, 8, 45–66. (In Russian).*

*Moiseev, S. R. (2002). The transmission mechanism of monetary policy. *Finansy i kredit*, 18, 38–51 (In Russian).*

Money, credit, and banks. Ed. by Lavrushin O. I. (2003). Moscow: Finansy i statistika. 461 p. (In Russian).

Rothbard, M. N. (2003). What has government done to our money. Transl. from Engl. and French. Chelyabinsk: Sotsium. 166 p. (In Russian).

Salerno, J. (2011). Gold Standards: True and False. In: Gold Standard: Theory, History, Politics. Sotsium E-book (<https://econ.wikireading.ru/4937>), pp. 429–459. (In Russian).

Salerno, J. (2012). The Theory of Money by Ludwig von Mises in the Context of the Modern Theory of Money. In: Ludwig von Mises. Theory of money and credit, pp. 701–746. Chelyabinsk: Sotsium, (In Russian).

*Shastitko, A. (2019). Meso-institutions: Proliferating essences or evolving economic research programme? *Voprosy Ekonomiki*, 5, 5–25. (In Russian).*

*Surikov, K. Yu. (2015). The Economic Role of the Institute of Money in the Modern World. *Voprosy ekonomiki i prava*, 7, 34–37. (In Russian).*

Vernikov, A. V. and Kirdina, S. G. (2010). Evolution of banks in the X- and Y-economies. In: Evolutionary Economics and Finance: Innovation, Competition, Economic Growth. Materials of the VIII International Symposium on Evolutionary Economics, Pushchino, Moscow Region, Russia, September 17–19, 2009. / Edited by V. I. Mayevsky and S. G. Kirdina. Moscow: Institut ekonomiki RAS, pp. 246–280. (In Russian).